Фото Е. Мельниковой

ПУБЛИЧКА — ЭТО СВОБОДА!

Е. Мельникова, выпускница факультета этнологии

Не знаю, существует ли на свете что-нибудь подобное Публичке. Наверняка. Но мне это «что-то» неизвестно. Здесь не читают, здесь живут. Но все по порядку.

Публичка — она же Российская национальная библиотека (это название не дурно запомнить на случай, если вы забудете адрес ее каталога в Интернет и решите поискать его в Яндексе. В России, к несчастью для таких забывчивых граждан, довольно много публичных библиотек...). Она же «на Островского», «центральная» и пр. Публичка — это государство в государстве, где имеется в наличии все для обеспечения жизнедеятельности индивида в течение достаточно продолжительного времени. Здесь вы можете есть, пить, спать, встречаться с друзьями, болтать часами в коридоре или курилке, ненавязчиво прогуливаться туда-сюда, читать, писать, думать. И даже запреты на пользование мобильниками, хотя

ВАВИЛОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Куприянов, научный сотрудник программы «Развитие социальных исследований образования в России»

«Хаос есть неупорядоченное собрание закономерностей».
Феликс Штроман. Красная записная книжка.

Замысел этой заметки родился, когда готовился к печати предыдущий номер. Собственно, меня вдохновила статья Кати Мельниковой, которая в последний момент выпала из него за недостатком места. Особенно меня поразила фраза: «Публичка — это свобода». Я не то чтобы был с ней совершенно несогласен, но мои впечатления о Публичке всегда были несколько иного свойства, и я понял, что пора где-то их обобщить. Теперь наши материалы увидят свет рядом. Думаю, они могут быть занимательны как для тех, кого можно назвать завсегдатаями Публички, так и для тех, кто в ней никогда не бывал. По крайней мере, им будет с чем сравнить вольные европейские нравы нашей библиотеки.

Сев писать, я осознал всю сложность поставленной задачи. Возможно, дело в отсутствии надлежащего образования. Студентов историков и этнологов, говорят, специально водят туда на экскурсию, чтобы помочь ориентироваться. Никогда не был ни тем, ни другим, поэтому в освоении Публички мне пришлось встать на тернистый путь автодидакта. Это окупалось возможностью play a stranger в свое удовольствие. За годы ее посещения я так и не приобрел систематических познаний — не разгадал принцип распределения книг по фондам, не заглянул во все закоулки здания на площади Островского, только приступил к исследованию здания на метро «Парк победы». Поэтому я не смог бы никому объяснить в двух словах, «как там у них все работает». Возможно, всему виной то, что я воспринимал все происходящее через призму Кафки, Борхеса и Эко. Все, чем я обзавелся в результате,— лишь ворох бессвязных наблюдений. Однако при всей их бессвязности, заметка в целом не кажется мне внутренне противоречивой. Это честное хаотическое повествование о последовательно хаотичном заведении. В довершение неразберихи, за последние несколько месяцев по зданию на Островского начал расползаться ремонт: он уже превратил почти все налево от входа в систему тоннелей из армированного полиэтилена и поглотил зал медико-биологической литературы, к которому я был приписан, так что многие наблюдения (например, о редкости в нем розеток) уже утратили актуальность.

И последнее — я буду огорчен, если, прочитав мои заметки, кто-то из сотрудников Публички найдет в них что-то

и расклеены на всех углах, здесь не действуют. Потому что Публичка — это свобода! Я уже слышу, как вы надрываетесь от хохота, дорогие коллеги. Да, долго на местной еде не протянешь. И в курилке можно покрыться либо инеем из-за слишком усиленного проветривания, либо копотью из-за его отсутствия. Но все-таки... Все-таки Публичка — это славное место! Заходим.

Публичка, как это ни парадоксально, тоже начинается с гардероба. Если вы новичок, знайте: сдают одежду справа, а получают слева. И не дай Бог вам перепутать! Вас просто проигнорируют. В часы пик (например, перед закрытием библиотеки) медлить нельзя. Попытайтесь закинуть номерок гардеробщице, пока она еще только на пути к вам. Впрочем, даже успех в этом нелегком мероприятии, скорее всего, не спасет вас от окрика: «Быстрее!»

Мы внутри. Что делать дальше? Если вы еще не встретили никого из знакомых, рекомендую заглянуть в буфет и курилку, а также пробежать глазами по рядам читателей в залах. Все равно никого нет? Тогда выпьем чашечку кофе и за дело.

Рассказывать о структуре библиотеки я, конечно, не стану. Профессиональные читатели и так все знают. А непрофессионалы смогут получить подробную справку у ответсвенного дежурного. Скажу только, что в зале социально-экономической литературы куда теплее, чем в зале литературы и искусства, а в зале рукописной книги стоит в открытом доступе множество прекрасных и полезных словарей русского языка разного времени, в зале эстампов работают очень приятные и приветливые люди, готовые носить вам стопками альбомы, если вы ищете какое-нибудь специальное изображение или иконотип. Если вы собрались идти в отдел редкой книги, то следует запастись терпением и приготовиться ко многочасовому стоянию с католожным ящичком в руках в тесной коморке при тусклом освещении. Справочный отдел — отдельная песня. Тут уж надо запастись всем: нервами, временем и одеждой. Здесь обычно холодно, обычно на вас кричат и обычно заставляют ждать.

Пока писалась эта заметка, в Публичке успела закрыться столовая. Но это, конечно, к счастью. Захудаленький буфетик, правда, совсем загибается от количества голодающих. Но зато есть надежда, что когда-нибудь, может быть, в библиотеке откроется симпатичное кафе, где будут разливать и красное вино, и другие горячительные напитки, которых так не хватает вдохновенным книжным червям.

обидное. Я люблю эту библиотеку со всеми теми странностями и недостатками, которые в ней вижу. Но я надеюсь на перемены к лучшему.

Имя

Москвичи нередко называют ее Салтыковкой. Видимо, по парадигме Ленинка—Маяковка—Салтыковка. Мои питерские знакомые — Публичкой (от ее прежнего официального названия Государственная публичная библиотека...). Последнее время входит в употребление аббревиатура РНБ (надеюсь, она никогда не станет «националкой»). Новое здание некоторые называют «Парк», но библиографы научных залов на Садовой говорят «на Московском».

Фонды

> «Книги здесь размещены в зависимости от тех стран, откуда привезены, или где родились их авторы, или, наконец, как в данном случае, — в зависимости от стран, где эти авторы должны были бы родиться».
> *У. Эко. Имя розы.*

Ко мне подошла какая-то женщина и спросила: «А что это за фонд?» (я только что вышел из «Россики»). Я понял, что не смогу объяснить. Когда-то думал, что там находятся книги на латинице, в которых написано о России. Или —книги на латинице, которые изданы в России. Содержимое шкафов, которые открываются взору входящего в «Россику» (туда ведет отдельная дверь с площадки перед бывшим читальным залом иностранного журнального фонда медицины), никогда не подтверждали ни ту, ни другую гипотезу. Книги, которые мне там выдавали — тоже. Я не удивился, когда из недр «Россики» появилась «Flora Sibirica, sive historia Plantarvm Sibiriae» Иоганна Георга Гмелина и еще несколько книг по ботанике за авторством профессоров Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Когда меня направили туда получать изданное в конце XVII века руководство французского ботаника Жозефа Питтона де Турнефора, я надеялся, что он попал туда за описания своих путешествий по восточному Средиземноморью и за восхождение на Арарат (именно он, судя по всему, был первым, кто описал высотную поясность, которую до сих пор проходят в школе на уроках географии). Однако мои гипотезы были расстроены трудами его современников Августа Бахмана и Джона Рэя, которые о России и близлежащих территориях ничего и никогда не писали. Если добавить к этому германские своды земельного права и какие-то французские книги по архитектуре, которые заметны на полках вокруг стола библиографа «Россики», то смысл названия становится еще более загадочным.

Мне уже стало казаться, что вся старая книга на латинице сосредоточена в «Россике», когда меня направили за разрешением на ксерокопирование одной немецкой работы начала XIX века в отдел «Полиграфии». Копируемая книга не могла сойти за шедевр полиграфии XIX века, да и о самой полиграфии в ней также ничего не говорилось. Озадаченный, я решил спросить у сидевшей там барышни-библиографа, в чем дело. Она, мило улыбнувшись, пояснила мне, что в фонде «Полиграфия», по традиции, хранятся «книги о разном», в отличие от «Россики», где хранятся «книги о России». Я не стал расстраивать ее своими открытиями... Помимо «Россики» и «Полиграфии», в Публичке есть еще не менее десятка различных «фондов».

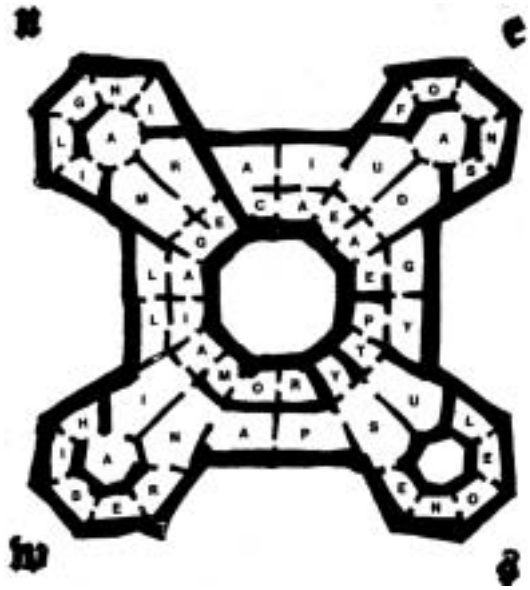
Концепция фондов и принцип распределения изданий между ними лучше всего, вероятно, объяснены у Умберто Эко в «Имени розы». В каждой из комнат изображенной им библиотеки средневекового монастыря можно было прочесть латинское изречение, в котором одна из букв была выделена красным цветом. Нанесенные на план библиотеки, эти буквы начинали складываться в слова. В залах, образующих последовательность «Yspania», стояли книги, созданные в Испании, в залах «Hibernia» — сочинения авторов из стран Севера, среди которых многие были по грамматике, и — заодно — сочинения по грамматике из других стран. Вывод, сделанный отважными исследователями монастырской библиотеки, мало чем отличается от моего: «...по всей очевидности, не следовало выискивать какого-то золотого закона размещения книг». Тем более что книги, прежде чем заказать, ищут в каталогах. И только потом выясняется, что две из заказанных пяти книг выдадут в «Россике», одну — прямо в читальном зале, а остальные две — завтра после четырех «на Московском». К слову сказать, распределение фондов между старым и новым зданием подчиняется тем же простым и разумным принципам, что и распределение книг по фондам. В целом, обычно можно надеяться, что старые (довоенные) и самые свежие книги, а также все довоенные русские журналы и некоторые русские журналы за последние десять лет окажутся на Островского, а все остальное — на Московском.

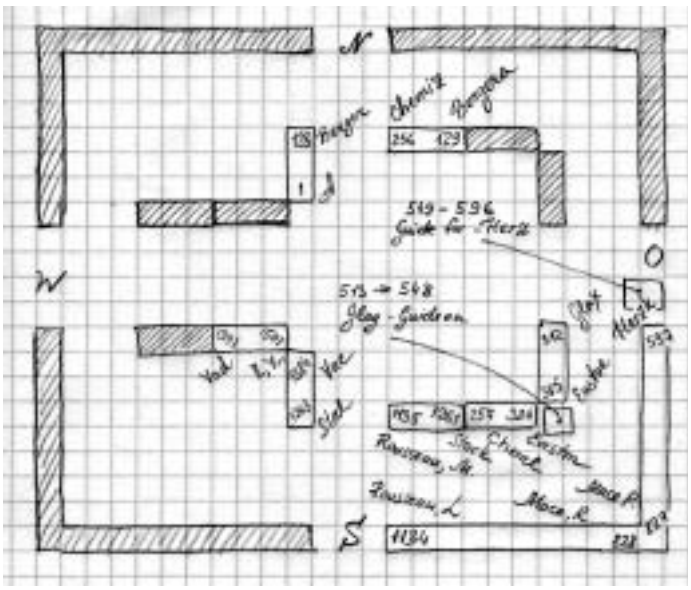
Каталоги

> «Читая все задом наперед, мы получили слово Yspania».
> *У. Эко. Имя розы.*

Как известно, требования без шифров не принимают. Шифр интересующей вас работы можно найти в каталоге. Каталогов в Публичке великое множество и, если не вдаваться в излишние подробности, то работать, в основном, приходится с двумя основными группами: систематическими

Продолжение на с. 12





План монастырской библиотеки (Эко У. Имя розы)
и план каталога книг на иностранных языках РНБ (рис. автора)

Продолжение. Начало на с. 10

и алфавитными. В систематических все расположено по загадочной «системе». В алфавитных все расположено... Как? По алфавиту? Нет, дорогие читатели, не угадали. Алфавитный порядок, конечно, соблюдается, но в ограниченных пределах.

С каталогами изданий на языках, использующих алфавиты на основе кириллицы, все более-менее благополучно (если не считать того, что буквы на табличках над шкафами иногда обгоняют, а иногда — отстают от плавного течения алфавита в картотечных боксах). Поиск книг в каталоге на латинице гораздо увлекательнее. Замечу, что, кроме каталога книг на «европейских» языках, имеется еще два «финских» каталога — «старый» с рукописными карточками, исписанными витиеватым почерком, и «новый», — пара шкафов, которые стоят довольно далеко от «европейского». В «европейском» существует сложная система ориентиров. Некоторые, но не все, буквы вынесены на таблички, стоящие на шкафах. Кроме того, есть таблички, указывающие на начало, «продолжение» и конец каталога. Однако предприятие обречено на провал с самого начала. Ящики в шкафах расставлены сверху — вниз и слева — направо. Если бы все шкафы стояли так же, то все было бы хорошо, но чья-то злая воля расставила их частью по, а частью — против часовой стрелки. По примеру монахов У. Эко, я составил схему каталога. Степень соответствия порядка алфавитному можете установить сами.

Бумажные каталоги, доступные читателям, заведомо неполны, поэтому, если вы не отличаетесь особенным пристрастием к перекапыванию приятных на ощупь карточек, то проще искать все в электронных (характерное объявление в каталоге: «Читательский алфавитный каталог книг на русском языке с 1931 по 2002 г. Издания, не найденные в читательском алфавитном каталоге, следует искать в электронном каталоге в сканированной версии ГАК на участке доступа к электронному каталогу (Ленинский зал)»). Многие из них, к радости всех читателей, перекочевали в Интернет. Там можно найти даже сокровенный Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (ГАК). Это циклопический проект, вызывающий в памяти анекдоты семидесятых про военную мощь китайцев. Сотни тысяч карточек отсканированы как картинки и выложены в Интернет, где можно в них вдоволь порыться. Дело сильно облегчает поиск, который ведется по «разделителям» (в бумажном каталоге это такие карточки с торчащим вверх «ухом», на котором что-нибудь написано: все они были бережно сохранены при переезде в виртуальное пространство). Единственное из важного, что пока не переехало в Интернет, — каталог изданий на иностранных языках до 1994 года. Его бумажный собрат, доступный читателям, местами изрядно простирающийся в глубь веков (туда как-то попали некоторые сочинения XVII века и даже более ранних времен), заметно неполон. Если вы не нашли в нем какую-то старинную книгу на латинице, можно обратиться к библиографам, дежурящим в бывшем Ленинском зале, где теперь расположен участок доступа к электронным каталогам. Они заглядывают в какое-то совсем потаенное место и довольно скоро выдают спасительный ответ, с которым можно направляться в читальный зал.

Пространство

> «Разберемся, — сказал Вильгельм. — Пять квадратных комнат, или вернее слегка трапециевидных, в каждой по окну... Эти комнаты окружают семиугольный зал без окон, но с лестницей... Элементарно, милый Адсон. <...> Вообще-то не ахти какой лабиринт. Надо посмотреть, куда ведут две остальные двери семиугольного зала. Думаю, что здесь я не заблужусь». Учитель ошибался...» *У. Эко. Имя розы.*

Здания Публички разбросаны по всему городу. Студенческие залы, а также газеты и ноты можно было найти в здании на Фонтанке. На площади Островского — «Научные читальные залы» (туда не пускают тех, кто не имеет высшего образования: студенты-историки рассказывали мне, как они специально заказывали какие-то редкие книги, которых заведомо нет в студенческих залах, чтобы заполучить временный пропуск в научные). Наконец, есть новое здание на Московском проспекте около метро «Парк Победы»: студенты, вроде бы, переехали туда.

Комплекс на Островского (в него входит шесть (!) корпусов, построенных в разное время, но постепенно сросшихся в единое целое) напоминает чем-то здание ЕУСПб. Он такой же запутанный, в нем много лестниц и закоулков, короткие прямые проходы перекрыты, обходные пути заковыристы. О его достоинствах многое говорит тот факт, что я обнаружил столовую лишь через два года после того, как начал посещать библиотеку, и то при помощи старших товарищей (они были завсегдатаями отдела картографии, который расположен в непосредственной близости от столовой). Замечу кстати, что буфет у входа под лестницей около туалетов много более очевиден, и я обычно довольствуюсь им. Это трогательный заповедник самого дешевого мороженого и каких-то бутербродов, булочек и пирожных образца 1987 года, соседствующих с современными йогуртами, и маленький двойной теперь называют «эспрессо».

От входа можно попасть либо в читальные залы журнального русского фонда и медико-биологической литературы, а

также в не имеющие своих читальных залов «Россику» и «Полиграфию» (налево), либо в Сектор редкой книги с его «кабинетом Фауста», ЦСБ (Центральную справочную библиотеку — жилище энциклопедий, словарей и библиографий) и Мрачный Красный Коридор (направо). Мрачный Красный Коридор ведет — после резкого поворота и Внезапных Ступенек — к пункту записи. Около пункта записи на стенах начинают попадаться камни с древними письменами, повествующими: «Налево пойдешь — в столовую попадешь, направо пойдешь — в отделы эстампов и рукописей попадешь (там же «кабинет Вольтера»), на второй этаж по лестнице — к ответственному дежурному». Возможно, именно незнание клинописи и арабской вязи мешало мне в поисках столовой. От ответственного дежурного снова расходятся тропинки: на выставку новых поступлений, в многочисленные алфавитные каталоги (налево кириллица и... финский, направо — латиница), в читальные залы общественных наук, литературы и искусства, Ленинский. Вдали, за шкафом с финским каталогом спрятан компактный читальный зал Основного русского фонда. Там же, в недрах кириллического каталога, таится участок ксерокопирования.

Объективная физическая структура (стены, двери, замки и лестницы) дополняется символической, задаваемой суровым языком объявлений. Кофе, сигареты и книги существуют в независимых пространствах. «В читальных залах запрещается распивать напитки и принимать пищу». «Запрещается вносить книги и другие издания в курительную комнату» (небольшое кафельное помещение сразу после Внезапных Ступенек из Мрачного Красного Коридора, в приоткрытую дверь которого видна плотная дымовая завеса и едва различимые фигуры курильщиков — вероятнее всего, комната герметична и дым не уходит в вентиляцию, а просто отстаивается по ночам и оседает на пол). «Запрещается вносить книги в столовую». Мобильные телефоны нельзя использовать в «читательской зоне». Судя по обилию надписей о запрете на использование мобильных телефонов и грозящих за это карах, эта «зона» простирается везде, кроме, вероятно, миниатюрных курительных и пищеприемных зон. Сквозь плотную сеть запретительных объявлений пробиваются крамольные мысли (найдутся ли герои, способные принимать пищу в курительной комнате?) и не охваченные законодательством предметы материальной культуры (объявление от руки фломастером на двери в буфет: «Большая просьба всем сотрудникам библиотеки, бравшим напрокат у нас посуду — вернуть ее. Если посуда будет исчезать по-прежнему, мы будем вынуждены перейти на одноразовую посуду, что существенно отразится на стоимости блюд. Администрация»).

У читального зала, помимо его прямого назначения (служить помещением для чтения книг), имеется и важная символическая функция. Он — ваш порт приписки. При записи в библиотеку вас приписывают к какому-то из залов (у читателей из разных залов даже билеты отличаются по цвету и номерам). Это не означает, что вы обязаны все время сидеть и читать книги именно там, но вот подавать заявки на книги из основного фонда вам придется библиографу своего зала (на Островского; на Московском порядок другой —там подача заявок на книги происходит централизованно).

Особое место отведено в Публичке докторам наук. Их записывают не на общем пунте записи, а у ответственного дежурного. Почти в каждом читальном зале можно увидеть таблички «стол для докторов наук», а в новом здании для них отведен особый зал. Их хрупкое подпространство начинается с вешалки: доктора наук могут сдавать и получать одежду вне очереди.

Я знал бы много меньше, если бы не работал с лаптопом и не делал бы ксерокопий. Как лаптоповладелец я вынужден каждый раз заходить к общественному дежурному, как жаждущий ксерокопий — обходить залы и фонды в поисках библиографов, которые продают разрешения на копирование. Путешествия были бы много короче, если бы не сокровенный Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке. В старые времена решительные читатели проскакивали сквозь Генеральный каталог (он соединяет площадку с постом ответственного дежурного у Ленинского зала и алфавитных каталогов с площадкой, на которой сидит менее заметный, но не менее ответственный дежурный у входа в «Россику» и зал медико-биологической литературы). Теперь в эпоху самозакрывающихся дверей и магнитных замков все не так. Надо спускаться на первый этаж ко входу, путешествовать по Мрачному Красному Коридору с прогибающимися половицами и застекленным бестиарием, застывшим на странице с изображением единорога и т. п. Вообще, тот, кто дал бы себе труд составить карту этажей, обнаружил бы поразительные вещи: например, то что двери в задней стенке читального зала литературы и искусства ведут не куда-нибудь, а в читальный зал ЦСБ.

Хаотичная структура комплекса на Островского бережно перенесена на Московский. У входа в зал иностранного журнального фонда красуется надпись: «Читальный зал медико-биологической литературы» (и это — правда: вход в него — через ту же дверь). Главная лестница устроена таким образом, что неопытный читатель может несколько раз проскочить мимо заветного второго этажа, на котором расположен пост ответственного дежурного и одна из двух «кафедр» для подачи заявок на книги. Потратив при первом посещении некоторое время на путешествия с первого этажа на третий и обратно, я проник на заколдованный этаж при помощи лифта и только тогда обнаружил малоприметные проходы, ведущие с лестницы к искомым посту и кафедре.

Культ тишины

«Правило молчания понимается жестко. У нас не только монахи, занятые ручными работами, но и те, которые пишут или читают, лишены права переговариваться с собратьями». *У. Эко. Имя розы.*

Все кто хоть раз устраивался на работу помнят позорный пятый пункт в личном листке по учету кадров, сохранившийся там с советских времен. Все кто смотрел «Место встречи изменить нельзя» знают, что такое «указ семь-восемь». Все посетители Публички знают, что такое пункт 8.3.9. правил пользования РНБ: «За нарушение тишины в залах РНБ, пользование сотовой связью читатель лишается права пользования библиотекой на период от 1 до 6 месяцев».

Традиция сохранения тишины уходит в глубокую древность. Еще до того, как появился ее главный враг — мобильный телефон — к стенам уже были привинчены маленькие стеклянные таблички «Ходить тихо», а на посту ответственного дежурного красовалась выписка «из библиотечных правил XV века» («Всякий изучающий науки, входящий сюда, не хлопай дверью и не стучи грубо ногами — это неприятно музам. Если ты найдешь здесь кого уже сидящим, почтительно поклонись молча, и не занимайся болтовней; здесь умершие говорят с занимающимися»).

Некоторые думают, что достаточно выйти из читального зала и уже можно разговаривать по мобильному. Не тут-то было. Там незримо простирается «читательская зона». Блуждаю по алфавитному каталогу в поисках буквы «G», невидимые собеседники ведут гулкий разговор на лестничной площадке: «У нас же здесь сводчатые потолки, акустика... вы выходите сюда, говорите, и все равно создается шум...»

Интересно, что бы сказали суровые хранители библиотеки, если бы узнали, что некоторые пользуются мобильной связью в извращенных формах: положив телефон рядом с лаптопом и отправляясь за почтой, в ICQ или даже в WWW по GPRS? Не запрещено ли и это сугубо молчаливое использование?

Копиисты

«Да, в случае, если вам действительно следует читать о звезде Соломоновой, — отвечал Малахия, — но чтобы выдать книгу такого рода, я должен иметь разрешение Аббата». *У. Эко. Имя розы.*

Пока не поступили данные из Норвегии, РНБ оставалась самой дорогой библиотекой в известной нам части обитае-

Продолжение на с. 14

Продолжение. Начало на с. 10

мого мира в отношении изготовления ксерокопий. После непродолжительных изысканий мне, при помощи ряда знакомых, удалось составить следующую таблицу:

Таблица 1. Стоимость ксерокопий (A4/Letter) в пересчете на рубли по курсу на 6 июня.

Библиотеки	За лист	Скидки от	За лист со скидкой
Публичка	3,50 руб.	–	–
Австрия	2,09 руб.	–	–
Великобритания	3,73 руб.	50 копий	3,15 руб.
Германия	1,74 руб.	–	–
Норвегия	4,39 руб.	–	–
Финляндия	3,49 руб.	70 копий	2,82–2,38 руб.
США	1,42–2,56 руб.	–	–

Данные в национальной валюте: в Австрии — 6 евроцентов, в Германии — 5, в Финляндии — 6.5–9.5, в Норвегии — 1 крона, в Великобритании — нет данных, в США — 5–9 центов США. Дробные цифры и пороги скидок объясняются тем, что во всех этих странах оплата происходит путем покупки магнитных карт на определенное количество единиц.

Процесс изготовления копий требует отдельного описания. Сначала вам надо получить разрешение на копирование. Это специальный бланк, который можно получить у библиографа вашего зала. Его надо аккуратно заполнить, указав не только книгу или журнал, но и конкретные страницы, которые вы собираетесь скопировать. Потом необходимо, чтобы кто-то из библиографов расписался в том, что копирование разрешено. По современной литературе такое разрешение дает дежурный библиограф вашего зала. По поводу книг XIX и более ранних веков надо будет сходить в тот фонд, откуда они извлечены: в «Россику», «Полиграфию», или в читальный зал Основного русского фонда. Если вам надо копировать книги из нескольких фондов, то надо обойти их все и поставить разрешения в каждом. При этом за копирование из старых книг, в зависимости от года издания, вам придется заплатить определенную сумму (обычно, в пределах 50 рублей). После того как разрешения получены, пора направляться на участок ксерокопирования (он находится в коридоре с читательским алфавитным каталогом книг на русском языке). Перед участком нередко стоит очередь. Расписание его работы отличается от расписания работы в библиотеке и подлежит внимательному изучению. Не всякий раз, как вам захочется что-то скопировать, участок будет открыт. Пока вы стоите в очереди, надо успеть запихать в книгу закладку (резаные бумажки валяются тут же у входа на участок ксерокопирования), на которой должны быть выписаны номера страниц, которые необходимо скопировать. Закладка при этом должна быть только одна. Такое странное дублирование разрешения на копирование и закладки связано с тем, что разрешение на копирование вы отдаете кассиру, сидящему при входе (название фигуральное, поскольку кассового аппарата там нет — есть какой-то сложный прибор, в котором хранят деньги), а книгу с закладкой — кописту, который и будет изготавливать ксерокопии. Если заказ большой (больше ста страниц), вам придется сходить выпить кофию, мелкие заказы (страниц по 10–20) сделают при вас. Последний дивный сюрприз. Если вы копируете книгу целиком (или близко к тому), то с вас возьмут за это дополнительные 30 рублей.

Антропологическое сочувствие к этому процессу могло бы завести далеко, если бы не компаративистская критическая установка, которая заставляет вспомнить о том, что во всех странах, которые упоминались выше, копировать вы можете сами. Все, что угодно. Без всяких разрешений и ограничений, сколько денег хватит. Другое дело, что там будет больше проблем с копированием старой литературы. Например, это может стоить много дороже, ее ни в коем случае не дадут копировать самим (чаще всего, это связано с тем, что ее, по сути, не копируют на общедоступном ксероксе, а переснимают — так меньше повреждается переплет). Справедливости ради, следует отметить, что у нас тоже можно заказать пересъемку с совсем древних книг или даже договориться о самостоятельной съемке (все это делается через Отдел внешнего обслуживания РНБ — вход с Садовой).

Торжество технологии

«Oculi de vitro cum capsula! — воскликнул он, — Я слышал о подобных в Пизе от некоего брата Иордана! Он говорил, что такой прибор был изобретен за двадцать лет до того. И еще прошло не менее двадцати лет...» *У. Эко. Имя розы.*

«Пользование персональным компьютером возможно только с разрешения администрации». *Объявление в Публичке.*

В России какое-то болезненное отношение к портативным компьютерам. С ними долгое время нельзя было входить ни в библиотеки, ни в архивы. Потом ввели практику допуска за плату. На всякий случай (возможно, эта заметка попадет к кому-то из библиотекарей) сообщаю: Россия, вероятно, единственная страна в мире, где человек, приходящий с лаптопом в библиотеку, должен платить за это деньги. И это ее не красит. В Публичке, как в старом, так и в новом здании, лаптоповладелец должен подойти к ответственному дежурному (об этом напоминают при входе) и сделать отметки на контрольном листке. Дежурный ставит штамп «своя литература» и пишет «п/к автономно» или «п/к от сети». В последнем случае, надо еще заплатить десять рублей.

Диалог с ответственным дежурным на Островского:

— Простите, я хотел бы знать, за что я плачу...

— Квитанция выдается за составление списка литературы.

— Какого списка? Это же я его составляю...

— Но Вы же пользуетесь нашими каталогами?

— А те, кто приходит без компьютера — не пользуются? А те, у кого компьютер работает от батареек?

— Обратитесь в бухгалтерию.

Размахивая оплаченной квитанцией, направляюсь в читальный зал к стойке библиографов. Чувствую недостаток категорий для описания реальности.

— Мне надо включить компьютер в сеть... [Двусмысленность.]

— В какую сеть? [На лицах беспокойство.]

— В электрическую. В розетку.

Нелепо размахиваю вилкой. В рядах библиографов — паника. Розеток в зале почти нет («Вроде бы, есть несколько в среднем ряду...» — неуверенно говорит одна из барышень).

По залу ходит суровая старушка и проверяет, все ли лаптоповладельцы имеют квитанции об оплате. Кто-то, завидев ее, начинает спешно собираться. С квитанцией в кармане и чувством глубокой нравственной правоты пытаюсь добиться правды.

— Вы можете объяснить мне, за что я плачу?

— За электроэнергию.

— Но ведь в квитанции написано, что за составление списка литературы...

— Обращайтесь к главному бухгалтеру.

У кого правда, у того и сила...

Диалог в новом здании у поста ответственного дежурного:

— Будете работать? [пауза — делает пометки на контрольном листке]... от сети?

— Не буду!

— [подозрительно] Зачем тогда несете? Внизу есть камера хранения!

— Работать буду, но не от сети... [пауза — ищет слова] от батареек

— От своих?

— От чужих! [пауза — мысленно вставляет ругательство] У кого-нибудь займу...

Интересно, что эта антикомпьютерная мания пока не распространяется на палмтопы. Их можно беспрепятственно вносить в библиотеку, нигде не отмечая. Сеть им, по счастью, тоже не нужна.

Веб-сайт РНБ: http://www.nlr.ru

Пока верстался номер стоимость ксерокопии в Публичке возросла до 4,0 руб.

Окончание в следующем выпуске